

УДК 291.12+291.2

Психологические основания религиозного догматизма

Д. В. Канаков

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ), г. Москва

Аннотация. Рассматриваются психологические основания религиозного догматизма на основе методологического принципа единства деятельности и сознания. Постулируется, что психологические основания религиозного догматизма обуславливают гносеологические. Принцип единства сознания и деятельности (зависимость сознания от условий деятельности) показывает, что психическое развитие человека определяется через деятельность социума, поэтому психологические основания догматизма обуславливаются, в конечном счете, социальными основаниями.

Ключевые слова: религиозный догматизм, психологические основания, психическое развитие, деятельностный подход, измененные состояния сознания.

Одной из наиболее актуальных задач современного этапа религиоведения является проблема устойчивости религиозных представлений и понятий, сохранения религиозных верований (хотя еще в XIX и начале XX в. среди интеллектуалов бытовало мнение о постепенном изживании религии), что не в последнюю очередь обуславливает своего рода «религиозное возрождение» и интерес к исследованию религии в последние десятилетия. Устойчивость религиозных представлений и понятий характеризует религиозное сознание и связано с таким малоисследованным в отечественном религиоведении явлением, как религиозный догматизм*. В настоящей статье ставится цель рассмотреть психологические основания религиозного догматизма, которые обусловлены во многом психологическими основаниями религии. Поэтому последние рассматриваются в контексте воспроизводства и сохранения религиозного догматизма, что в абстрактной форме получает выражение в виде религиозных представлений и понятий (догм).

* Под религиозным догматизмом мы подразумеваем метод, с помощью которого та или иная религия (конфессия, религиозно-философская система) закрепляет собственную систему верований и культовых действий для своих адептов (последователей), принимающих на веру без доказательств истины верования (догмы) в качестве неизменных, безусловных (абсолютных) положений на основе подчинения религиозному авторитету. С объективной стороны догматизм в религии связан с религиозной идеологией, с субъективной – с религиозной психологией, двумя составляющими важного структурно-функционального элемента религии – религиозного сознания.

Как известно, религиозные представления и идеи сопровождаются эмоциями, психологические основания религиозного догматизма также связаны со способностью человека эмоционально относиться к своим представлениям и идеям. Согласно исследованиям П. В. Симонова, эмоции выполняют компенсаторную функцию, способствуют ускорению и усилению реакций, поискам новой информации [10; 11, с. 36–40; 12, с. 35–39]. Психологически религиозная вера выполняет компенсаторную функцию, восполняя недостаток знания, дает успокоение, чувство удовлетворения и эмоциональную разрядку, ослабляет силу эмоционального напряжения.

Швейцарский психоаналитик Карл Густав Юнг выделяет психическую интенсивность, энергию «идеи бога» [14, с. 77], которая, по его мнению, исходит из «эго» человека. Важно подчеркнуть, что в вопросе существования бога Юнг занимает позицию агностика, но как практикующий психоаналитик он признает идею божественного «необходимой психологической функцией» в сознании человека, «архетипической», абсолютно достоверной и универсальной для человеческой психики. Ценным в позиции К. Г. Юнга является обоснованное положение, что идея божественного может нести как созидательную энергию, так и разрушительную в психологии личности. «...Идея Бога обладает огромной психической интенсивностью, – обобщает психоаналитик, – ...[поэтому] если ...tremendum* умерло ...[то] энергия может теперь выйти на поверхность под иным именем ... результатом будут столь же значительные психологические нарушения <...> [и] психические эпидемии... (курсив наш. – Д. К.)» [15, с. 187–188]. Таким образом, значительная психическая интенсивность «идеи бога», как мы видим, фактически связывается Юнгом с чувством страха. То обстоятельство, что страх является чувством, создающим психологическую почву для возникновения религиозных представлений и понятий, известно еще со времен Античности. Заслуга К. Г. Юнга в том, что на основе своих клинических исследований он выявил связь эмоции страха (tremendum) и представления о божестве. Это объясняет значительную психическую интенсивность религиозных понятий; будучи образными, они эмоционально компенсируют психологический дискомфорт и способствуют преодолению страха и неуверенности человека. Исследования в области социологии и психологии религии подтверждают гипотезу, что страх смерти может обуславливать религиозную веру и деятельность, причем отмечается, что различные религиозные конфессии (religious orientations) по-разному ослабляют (allaying) этот страх [17, р. 381]. Конечно же, имеется в виду прежде всего не индивидуальный, разовый страх, а страх как более или менее устойчивое эмоциональное состояние людей, отражающее их социальное бытие [7, с. 419]. Поэтому господствующие силы выступают в сознании как неземные, сверхъестественные, сверхрациональные. Также следует отметить, что страх смерти порождает (engenders) потребность защитить свои общекультурные представления о мире [18, р. 349], к числу которых относятся и религиозные представления.

* Внушающий трепет, страшный (лат.).

Важным психологическим основанием религиозного догматизма является антропоморфизм религиозного способа отражения действительности, что отмечается в отечественной литературе в качестве «психологических предпосылок» религии. Философско-религиоведческий анализ выявляет огромное количество антропоморфных представлений в религии и религиозно-антропологический круг как основное содержание религиозных представлений и понятий. Понятие религиозно-антропологического круга разрабатывается в российском религиоведении в трудах К. И. Никонова.

Еще одно основание религиозного догматизма носит социально-психологический характер. Религиозная вера, религиозные убеждения и чувства определяются также конкретным социальным взаимодействием, в ходе которого усваиваются религиозные представления и понятия (догмы) с помощью различных средств и приемов психологического воздействия на сознание адепта. Подобные способы воздействия (как коллективные, так и индивидуальные), по существу, основаны на механизмах внушения, самовнушения, подражании, эмоционального заражения и служат средством укрепления веры в религиозные догмы. Это ослабляет эмоциональную напряженность человека, доставляет чувство облегчения, целостности, что воспринимается верующим как доказательство истинности религиозных догм и способствует укреплению религиозного догматизма.

Важнейшим психологическим средством передачи и упрочения догматических представлений является внушение, обладающее охранительной функцией, закрепленной, очевидно, филогенетически, когда «...“сильные раздражения” реального мира уступают место слабым раздражениям, идущим от другого...» [13, с. 278]. Догматические представления внушаются как безусловные вне логического контроля воспринимающего субъекта, «...исключительно при посредстве органов чувств» [1, с. 42], против чего бессильны рациональные аргументы [6, с. 112], поэтому важными следствиями внушения становятся автоматизм и импульсивность [1, с. 141]. Во многом эти факторы способствуют передаче догматических идей и представлений от одного лица другому.

Внушению способствует обаяние религиозных догм как идей и личное обаяние религиозного лидера, что из-за интенсивного эмоционального воздействия снижает критическую способность оценивать те или иные идеи и представления [6, с. 196–197, с. 245–250]. Обаяние значительно повышает внушаемость. Следствием этого становится слепое подчинение авторитету лидера и некритическое принятие догм (догматических идей и представлений), чувство причастности к принимаемым догмам (убеждениям) и желание их отстаивать как свои собственные. Кроме того, сам догматизм становится определяющим социально-идейным фактором предрасположенности социальной группы к внушению соответствующего психического состояния, если она объединена единой идеей и общими чувствами, примеры чего приводятся в работах В. М. Бехтерева [1, с. 133–134].

Таким образом, религиозное догматическое сознание, наделенное интенсивной психической энергией религиозной идеи, связано также с механизмами внушения и самовнушения. Объект религиозной веры средствами психо-

логического воздействия закрепляется в сознании верующего. Рационализация религиозной веры приводит к формированию религиозных понятий, но для того чтобы понятия стали догмами, необходимо их подкрепление чувственно-эмоциональным воздействием, что важно не только при формировании догматических представлений, но и при их поддержании.

В качестве возможных источников догматизма, по нашему мнению, могут выступать также измененные состояния сознания. К сожалению, в литературе встречаются многочисленные факты некритического использования данных по измененным состояниям сознания, когда такие состояния, по существу, не дифференцированы от галлюцинаторных переживаний. Однако накоплен большой клинический опыт экспериментально подтвержденных данных переживания так называемого внетелесного опыта. В ходе таких случаев зафиксированы видения на значительном пространственном отдалении без непосредственного сенситивного контакта [2, с. 224], описания «внетелесного опыта» в период клинической смерти [9, с. 160]. Схожий феномен зафиксирован во время родов: по данным Л. И. Спивака, роженицы (6–10 %) ощущают себя вне тела некоторое время, наблюдая себя со стороны; на период «выхода» исчезает боль. Клинический опыт показывает, что такие измененные психические состояния переживаются человеком как чрезвычайно интенсивные, поэтому требуют рационализации и объяснения, а поскольку естественный механизм их еще неизвестен, то могут интерпретироваться как доказательство существования сверхъестественного явления и способствовать утверждению религиозного догматизма. Справедливости ради следует отметить, что не прекращаются попытки дать естественное объяснение «внетелесному опыту». Так, в частности, в авторитетном на Западе журнале «Природа» было опубликовано описание эксперимента с пациенткой, страдающей эпилепсией, которой электродами стимулировали правую височную долю и произвольно возбуждали ангулярную извилину (*angular gyrus*), в результате чего пациентка пережила «внетелесный опыт» (OBEs – ‘out-of-body’ experiences) [16, p. 7–13; 19, p. 269–270]. Хотя исследователи признают, что механизм, вызывающий подобные переживания, до конца не ясен, но делают осторожный вывод о важности исследования вестибулярной обработки (*vestibular processing*) пространственной информации для объяснения переживания «внетелесного опыта» [19, p. 270].

Важно отметить, что одним из обоснованных наукой теоретических положений является положение о том, что всякая высшая психическая функция, включая мышление, является социальной по своему происхождению. Л. С. Выготский подчеркивает, что «...сам механизм, лежащий в основе высших психических функций, есть слепок с социального» [3, с. 146]. Это обстоятельство объясняет механизм интериоризации, под которым подразумевается формирование внутреннего плана сознания. «...Всякая высшая форма поведения, – писал Л. С. Выготский, – появляется в своем развитии на сцене дважды – сперва как коллективная форма поведения, как функция интерпсихологическая, затем как функция интрапсихологическая, как известный способ поведения» [4, с. 115]. Интериоризация ведет к образованию нового конкретного психического процесса; другими словами, высшие психические

функции складываются в ходе интериоризации, что убедительно раскрыто Л. С. Выготским, который писал следующее: «Все высшие психические функции суть интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности» [3, с. 146]. Таким образом, в гносеологическом плане интериоризация представляет собой процесс превращения внешних по отношению к субъекту объектов познания во внутреннее, опосредованное содержание сознания, а все высшие психические функции в процессе интериоризации вначале проявляются как функции внешние, связанные с социальным поведением человека, а потом уже становятся индивидуальными, как, например, речь [4, с. 115]. Согласно принципу интериоризации исходное практическое действие переходит от существования в материальной форме к существованию в форме внешней речи, а затем «внешней речи про себя» (внутреннее проговаривание) и, наконец, свернутого, внутреннего действия. Результатом интериоризации становится то, что непсихическое переходит в психическое, о чем писал П. Я. Гальперин [5, с. 25], в философском смысле материальное преобразуется в идеальное, конструируется идеальный мир в сознании.

Учение об интериоризации нашло экспериментальное подтверждение в том, что высшие психические функции имеют общественно-историческую природу и детерминантами психического развития человека является трудовая, орудийная деятельность человека. В частности, экспедиция А. Л. Лурии в Среднюю Азию для исследования мышления и других психических процессов у народов, находящихся в разных исторических условиях, показала зависимость психических процессов, например операций мышления «...от уровня общественной организации трудовой жизни». Эти опыты подтвердили, «...основную гипотезу о зависимости познавательных процессов от социального и культурного опыта испытуемых» [8, с. 54]. А. Л. Лурия приводит показательный пример – протокол беседы с тридцатисемилетним неграмотным узбекским крестьянином, не способным к решению силлогизма [8, с. 67–68]. В нашем случае это означает, что психологические основания не являются окончательными при объяснении оснований догматизма. Можно смело сделать вывод, что особенности психического отражения действительности, которые приводят к формированию догматического типа мышления, также обусловлены внешними, социальными аспектами бытия человека. Следовательно, психологические основания религиозного догматизма следует рассматривать лишь как условия, возможные предпосылки, которые реализуются только благодаря воздействию определенных социальных оснований.

Таким образом, психологическими основаниями религиозного догматизма являются эмоциональное сопровождение процесса познания, чувство страха, значительная психическая интенсивность религиозных идей и представлений, антропоморфизм мышления на ранних ступенях психического отражения действительности, психологические механизмы внушения, самовнушения, заражения, обаяния и т. п. К числу возможных психологических оснований религиозного догматизма следует также отнести так называемые измененные психические состояния. Высшие психические функции, опосредующие психическое отражение действительности, определяют гносеологические основа-

ния догматизма, т. е. психологические основания обуславливают гносеологические. Гносеологические и психологические основания являются достаточной, но не необходимой причиной для проявления догматизма, поскольку они затрагивают только область сознания. Только при известных условиях, под влиянием определенных социумных факторов сознание способно выступить в качестве источника религиозного догматизма. Принцип единства сознания и деятельности (зависимость сознания от условий деятельности) показывает, что психическое развитие человека определяется через деятельность социума, так как деятельность человека представляет собой продуктивную, общественную по своему характеру практику активного субъекта; индивидуальное – это всегда усвоенное социальное. Значит, психологические основания догматизма обуславливаются, в конечном счете, социумными основаниями, однако анализ последних выходит за рамки настоящей статьи.

Список литературы

1. *Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни / В. М. Бехтерев. – СПб. : Питер, 2001. – 256 с.
2. *Бехтерева Н. П.* Магия мозга и лабиринты жизни / Н. П. Бехтерева. – Доп. изд. – М. : Аст : Политграфиздат ; СПб. : Сова, 2010. – 383 с.
3. *Выготский Л. С.* История развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. – М. : Педагогика, 1983. – 369 с.
4. *Выготский Л. С.* О психологических системах / Л. С. Выготский // Выготский Л. С. Собр. соч. / под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М., 1982. – Т. 1 : Вопросы теории и истории психологии. – С. 109–131.
5. *Гальперин П. Я.* К учению об интериоризации / П. Я. Гальперин // Вопр. психологии. – 1966. – № 6. – С. 25–32.
6. *Лебон Г.* Психология народов и масс / Густав Лебон. – СПб. : Макет, 1995. – 316 с.
7. *Ленин В. И.* Об отношении рабочей партии к религии / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Изд. 5-е. – М. : Полит. лит., 1973. – Т. 17. – С. 415–426.
8. *Лурия А. Р.* Этапы пройденного пути: Научная автобиография / А. Р. Лурия ; под ред. Е. Д. Хомской. – 2-е изд. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 192 с.
9. *Моуди Р.* Жизнь после жизни : документ. роман : в 2 ч. / Раймонд Моуди. – М. : Перспектива, 1991. – 160 с.
10. *Симонов П. В.* Теория отражения и психофизиология эмоций / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1970. – 144 с.
11. *Симонов П. В.* Что такое эмоция? / П. В. Симонов – М. : Наука, 1966. – 93 с.
12. *Симонов П. В.* Эмоциональный мозг / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1981. – 215 с.
13. *Шульговский В. В.* Физиология высшей нервной деятельности с основами нейробиологии : учеб. для студ. биол. специальностей вузов / В. В. Шульговский. – М. : Академия, 2003. – 464 с.
14. *Юнг К. Г.* О психология бессознательного : пер. с нем. / К. Г. Юнг ; // Психология бессознательного. – М. : АСТ-ЛТД: Канон+, 1998. – С. 9–124.
15. *Юнг К. Г.* Психология и религия / К. Г. Юнг // Архетип и символ / сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. – М. : Ренессанс, 1991. – С. 129–202.

16. *Blanke O.* Full-body illusions and minimal phenomenal selfhood / O. Blanke, Th. Metzinger // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2008. – Vol. 13, N 1. – P. 7–13.

17. *Kahoe R. D.* The fear of death and religious attitudes and behavior / R. D. Kahoe, R. F. Dunn // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 1975. – Vol. 14, N 4. – P. 379–382.

18. Political conservatism as motivated social cognition / J. T. Jost, J. Glaser, A. W. Kruglanski, F. J. Sulloway // *Psychological Bulletin*. – 2003. – Vol. 129, N 3. – P. 339–375.

19. Stimulating illusory own-body perceptions / O. Blanke, S. Ortigue, T. Landis, M. Seeck // *Nature*. – 2002. – Vol. 419, N 6904. – P. 269–270.

Psychological Grounds of Religious Dogmatism

D. V. Kanakov

Moscow State University of Railway Transport Engineering, Moscow

Abstract. The article deals with psychological grounds of religious dogmatism based on the methodological principle of the unity between consciousness and activity. Psychological grounds of religious dogmatism determine gnoseological grounds. The principle of unity of consciousness and activity (dependence of consciousness on the activity conditions) shows that mental development of a person is determined by the activity of society, so psychological bases of dogmatism are ultimately due to social grounds.

Keywords: religious dogmatism, psychological grounds, mental development, activity approach, altered states of consciousness.

Канакон Дмитрий Владимирович
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и культурологии,
Гуманитарный институт
Московский государственный
университет путей сообщения (МИИТ)
127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9,
стр. 9б
тел.: 8(495)6842467
e-mail: dkanakov@yandex.ru

Kanakov Dmitrii Vladimirovich
Candidate of Science (Philosophy),
Associate Professor, Department
of Philosophy and Cultural Studies,
Humanitarian Institute
Moscow State University of Railway
Transport Engineering
9, building 9b, Obraztsov st., Moscow, 127994
tel.: 8(495)6842467
e-mail: dkanakov@yandex.ru